

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА

УДК 323.1

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-222-239

**ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС НА ЮГЕ РОССИИ:
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹****Д.И. УЗНАРОДОВ**

*Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук,
Лаборатория казачества отдела гуманитарных исследований
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых аспектов черкесского вопроса на Юге России. Рассматриваются как исторические предпосылки становления черкесского ирредентизма, так и его актуальное состояние. Выделяются три основных аспекта черкесского вопроса на Юге России в XXI веке: требования черкесских национальных движений признания Россией событий периода Кавказской войны геноцидом черкесов (адыгов); призывы черкесских общественных организаций к российским властям о необходимости проведения политики репатриации адыгов (черкесов) на историческую родину; попытка актуализации в политическом дискурсе черкесскими общественными организациями идеи создания единого черкесского субъекта на территории Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что при рассмотрении этих проблем в плоскости практической политики, в качестве задач, подлежащих безотлагательному решению, они приобретают дополнительную сложность и являются практически нереализуемыми. Также делается вывод о том, что, несмотря на определенный спад черкесского вопроса после 2014 года, говорить о его окончательном снятии с этнополитической повестки дня Юга России в настоящее время довольно преждевременно, поскольку комплекс образующих его идейных единиц представляет собой символическое выражение реальной специфики и проблем современного «черкесского мира», где различные группы черкесского населения, находящиеся в отличных друг от друга политических и социально-культурных условиях, сохраняют общую идентичность, важной составляющей которой является ряд трагических для черкесского этноса событий прошлого. В связи с тем, что ряд запросов черкесского национального движения в сфере практической политики не может быть реализован, важное значение приобретает поиск позитивных ответов на них в рамках символической политики.

Ключевые слова: черкесы; Северный Кавказ; ирредентизм; национальное движение; этнополитический процесс; государство.

**CIRCASSIAN ISSUE IN THE SOUTH OF RUSSIA: ETHNOPOLITICAL
OUTCOMES AND PROSPECTS****D.I. UZNARODOV**

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2019 г., № государственной регистрации проекта 01201354248.

*Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Department of humanitarian studies; Laboratory of studying of Cossacks
344006, Rostov-on-Don, 41 Chekhov Ave.
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes key aspects of the Circassian issue in the South of Russia. The article deals with both the historical background of Circassian irredentism and its current state. There are three main aspects of the Circassian question in the South of Russia in the XXI century: requirements of Circassian national movements of Russia's recognition of events of the Caucasian war as genocide of Circassians; calls of Circassian public organizations to Russian authorities on the need for a policy of repatriation of Circassians to their historical homeland; an attempt to actualize in the political discourse by Circassian public organizations the idea of creating a single Circassian administrative subject in the territory of Russian Federation. The author comes to the conclusion that during considering these problems in the plane of practical policy, as tasks that must be urgently addressed, they acquire additional complexity and are practically unrealizable. It is also concluded that, despite a certain decline of the Circassian question after 2014, it is rather premature to talk about its final removal from the ethnopolitical agenda of the South of Russia at the present time, because the complex of ideological units, forming it, is a symbolic expression of the real specifics and problems of the modern "Circassian world", where different groups of the Circassian population, located in different political and socio-cultural conditions, retain a common identity, an important component of which is a number of tragic events of the past of the Circassian ethnos. Due to the fact that a number of requests of the Circassian national movement in the sphere of practical policy cannot be implemented, it is important to find positive answers to them within the framework of symbolic policy.

Keywords: Circassians; North Caucasus; irredentism; national movement; ethnopolitical process; state.

Введение. В настоящее время одной из актуальных этнополитических проблем, характерных для северокавказского региона, является проблема разделенных народов. Ее истоки восходят к 20-м годам XX века, когда в России формировалась система национально-территориальных автономий. Важным элементом национальной политики тогда стал «принцип попарного сдерживания национализма» [Узнародов 2017: 110]. На территории Северного Кавказа были созданы новые административно-территориальные единицы, основу которых составил этнический принцип устройства: Карачаево-Черкесская автономная область (12 января 1922 г.), Кабардино-Балкарская автономная область (16 января 1922 г.), Черкесская (Адыгейская) автономная область (27 июля 1922 г.), Чеченская автономная область (30 ноября 1922 г.), Северо-Осетинская автономная область (7 июля 1924 г.), Ингушская автономная область (7 ноября 1924 г.). Практическим воплощением принципа «попарного сдерживания национализма» было создание административных субъектов, которые можно назвать «этнодуальными» – Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской автономных областей, что автоматически приводило к формированию искусственных границ между ареалами проживания определенных народов [Узнародов 2018: 193]. В частности, речь идет о народах адыгской подгруппы адыго-абхазской языковой семьи (кабардинцах, черкесах, адыгейцах и шапсугах), которые после проведенной реформы оказались

разделены административными границами сразу трех субъектов, а также народах половецко-кыпчакской подгруппы тюркской языковой семьи (карачаевцах и балкарцах), разделенных между двумя административно-территориальными субъектами. В период распада СССР и сопровождавшего его так называемого «парада суверенитетов» принцип «попарного сдерживания национализма» не только не способствовал сдерживанию центробежных тенденций в стране, а в определенных аспектах даже обострил их. Резко стали давать о себе знать проблемы так называемого «внутреннего ирредентизма»¹, который в постсоветской России превратился в один из наиболее существенных факторов социально-политической нестабильности [Узнародов 2017: 110]. К административно-территориальным субъектам Юга России, обладающим в настоящее время в той или иной степени ирредентистским потенциалом, относятся: Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика (черкесский ирредентизм; карачаево-балкарский ирредентизм); Ставропольский край, Республика Дагестан (ногайский ирредентизм). В данной статье будет проведен анализ современного черкесского ирредентизма, который принял в современной этнополитике Юга России форму «черкесского вопроса».

Цель статьи – рассмотреть ключевые аспекты черкесского вопроса на Юге России в XXI веке, особенности их влияния на этнополитические процессы в регионе, связанные с особой значимостью в его идейном обосновании фактора исторической памяти и наличием его международного измерения.

Актуализация черкесского вопроса. Общественные трансформации 1990-х гг. развертывались в условиях распада союзной государственности и резкого ослабления государственности российской. На всем постсоветском пространстве в качестве наиболее устойчивой и надежной основы личной и групповой самоидентификации обнаружила себя этничность. На Северном Кавказе этот процесс актуализации этничности с неизбежностью стал весьма интенсивным, затронув практически все национальные группы населения региона. Общие характеристики «мобилизованной этничности» с различной степенью интенсивности и с различными последствиями проявили себя в различных этнических ареалах и в отдельных республиках. Особый случай представляет собой, в частности, ареалы компактного проживания черкесского (адыгского) населения в Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Краснодарском крае (шапсуги).

В нем в той или иной форме реализовались явления суверенизации российских автономий. 5 октября 1990 года на внеочередной сессии Адыгейского областного Совета народных депутатов принято решение о повышении государственно-правового статуса Адыгейской автономной

¹ Ирредентизм – национально-политическое движение, реализуемое политическими организациями с целью интеграции этнических групп, разделенных внутрирегиональными, либо государственными границами (*определение термина – Узнародов Д.И.*)

области до уровня республики и провозглашена Адыгейская автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР. 30 ноября 1990 года Совет народных депутатов Карачаево-Черкесской автономной области принял решение о выходе из состава Ставропольского края и преобразовании в Карачаево-Черкесскую Советскую Социалистическую Республику (КЧССР) в составе РСФСР. Эти акты были утверждены Верховным Советом РСФСР в законе РСФСР от 3 июля 1991 года № 15371. 30 января 1991 г. Верховный Совет Кабардино-Балкарии принял Декларацию, в которой провозгласила «государственный суверенитет Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики как верховенство, самостоятельность, полноту и неделимость власти Республики в пределах ее территории».

Но указанные акты в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии принимались в условиях уже запущенных процессов «этно-суверенизации» отдельных национальных групп, что поставило республики на грань распада. В Карачаево-Черкесии в 1990-1991 гг. были последовательно провозглашены Карачаевская (18 ноября 1990 г.), Баталпашинская и Зеленчукско-Урупская казачьи республики (19 августа 1991 г.), Республика Черкесия (27 октября 1991 г.) и Абазинская Республика (ноябрь 1991 г.). Верховный Совет Карачаево-Черкесской ССР 3 декабря 1991 года принял официальное обращение к федеральным властям о признании отдельных республик. Президентом России в январе 1992 года на рассмотрение в Верховный Совет был внесен проект закона «О восстановлении Карачаевской автономной области и Черкесской автономной области в составе Российской Федерации». Также в Верховном Совете была сформирована комиссия по созданию трех автономных областей – Баталпашинской, Карачаевской и Черкесской. 28 марта 1992 года в Карачаево-Черкесии прошел референдум, по итогам которого большинство граждан высказались против разделения республики [Тетуев 2016: 94].

Похожие процессы можно было наблюдать в тот период и в Кабардино-Балкарии. Съезд балкарского народа 17 ноября 1991 г. принял Декларацию, в которой провозгласил «Республику Балкария и национальный суверенитет балкарского народа как самостоятельность власти народа во всех вопросах, затрагивающих его жизненные интересы и его историческую судьбу». Затем на съезде Кабардинского народа 10 января 1992 года принимается решение «Восстановить суверенную Кабардинскую Республику в пределах исторической территории кабардинского народа». [Этнополитическая ситуация... 1994: 13]. Подобные акты были «поддержаны» в постановлениях Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР от 19 ноября 1991 и 6 февраля 1992 года. Впоследствии комиссии Президиума Верховного Совета КБССР не удалось принять решение по фиксации этнических территорий новых субъектов вследствие отсутствия консенсуса по данному вопросу между экспертными группами Конгресса кабардинского народа и Национального Совета балкарского народа. В июле 1994 года вышеназванные постановления

Верховного Совета КБССР были признаны парламентом Республики Кабардино-Балкария «утратившими силу»¹.

Таким образом, можно говорить о том, что инициативы по созданию отдельных черкесских административно-территориальных субъектов в начале 1990-х годов имели место, но они носили локальный характер, ограничиваясь границами отдельно взятых административных субъектов, и, фактически, находились в характерном для того периода «федералистском тренде». Говорить о каком-либо едином черкесском административно-территориальном проекте (который бы затрагивал одновременно границы сразу нескольких субъектов) в тот период вряд ли представляется возможным.

Повторное обострение черкесского вопроса на Юге России произошло в 2007 году, когда город Сочи был объявлен столицей Зимних Олимпийских игр 2014 года. Главная причина недовольства адыгского населения была связана, прежде всего, с тем, что строительство спортивных объектов проходило на исторически значимых для данного этноса территориях – Сочи и Красной поляне, где черкесы проживали в течение многих столетий. Именно на Красной поляне 21 мая 1864 г. состоялся парад царских войск в ознаменование завершения Кавказской войны, которое в исторической памяти черкесов ассоциируется с их массовым изгнанием из мест своего проживания и вынужденным переселением в пределы Османской империи. Главная причина недовольства черкесского населения состояла в том, что, фактически, российская сторона полностью проигнорировала исторический фон и статус черкесов как коренного народа Восточного Причерноморья. Кроме того, в июле 2007 года в Гватемале во время презентации программы Олимпийских игр-2014 президент России Владимир Путин при перечислении народов, в разное время населявших территорию Сочи, ни разу не упомянул черкесов [Боров 2012: 31-33]. Впоследствии российские власти никак не отразили черкесскую культурную составляющую и в церемонии открытия Олимпиады-2014.

Следует отметить, что не все адыгское население России осуждало в тот период факт проведения Олимпиады в Сочи. Активно поднимать данный вопрос начали некоторые адыгские общественные организации, в частности, против проведения Олимпийских игр в Сочи выступало общественное движение «Черкесский конгресс». Менее радикальную позицию заняло тогда движение «Адыгэ Хасэ» Республики Адыгея, которое выступило за «содействие в отражении наследия коренного населения Причерноморья – черкесов (адыгов) в культурной программе Зимней Олимпиады Сочи-2014»², а также за присвоение черкесам-шапсугам, проживающим в местах проведения Олимпийских игр, статуса коренного народа в уставе Краснодарского края. Руководители адыгских (черкесских) общественных организаций Кабардино-Балкарской Республики выступили со специальным меморандумом, в котором

¹ Постановление Парламента Кабардино-Балкарской Республики от 21.07.1994 г. № 31-П-П // Электронное периодическое издание ИПС «Законодательство России». 30 нояб. 2003.

² Кучеров Н. Наш народ военный. Россия так и не стала центром «черкесского мира». 2013 // Интернет-газета «Lenta.ru». URL: <https://lenta.ru/articles/2013/12/17/circassian/> (дата обращения: 24.08.2019).

заявили: «Мы считаем неконструктивными попытки увязать XXII зимние Олимпийские игры в Сочи с трагическими событиями адыгской истории XIX века»¹. За рубежом наиболее активно против проведения Олимпийских игр в Сочи выступал специально созданный комитет «Нет Сочи 2014», объединивший 30 черкесских движений и организаций в различных странах мира [Матишов и др. 2012: 81]. Приходится констатировать, что, к сожалению, на сегодняшний день история черкесского народа зачастую становится предметом спекуляций определенных политических сил, стоящих на позициях этнического национализма и преследующих свои конкретные цели.

Кроме так называемого «фактора Олимпиады» имели место и другие факторы, способствующие актуализации черкесского вопроса в середине 2000-х гг. В частности, к ним следует отнести попытку запустить процесс реинтеграции Республики Адыгея в состав Краснодарского края с соответствующим понижением ее статуса как субъекта Федерации в 2005–2006 гг., а также конфликты в процессе распределения властных ресурсов в Карачаево-Черкесии между карачаевцами и черкесами в 2008 году и в процессе распределения земель между муниципальными образованиями в Кабардино-Балкарии в 2008-2009 гг. в соответствии с Федеральным законом № 131 [Боров 2012: 35].

После 2014 года актуализация черкесского вопроса в России значительно снижается. Если в середине 90-х гг. постепенный уход черкесского вопроса на вторые и третьи роли в российском общественно-политическом дискурсе был обусловлен отсутствием идейного и организационного динамизма у наиболее влиятельных черкесских организаций («Международная черкесская ассоциация» и «Адыгэ Хасэ» в Республике Адыгея, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) [Боров 2012: 29], а также актуализацией ряда других, более важных для этнополитической ситуации вопросов, в частности, проблемы Чечни [Боров 2012: 27], то в последние годы спад черкесского вопроса объясняется, главным образом, как завершением событий, приуроченных к Олимпиаде 2014 года, проведение которой вызывало отрицательный резонанс среди некоторых черкесских общественных организаций, так и наличием определенного кризиса черкесского национального движения. В частности, практически сошло с политической арены движение «Черкесский конгресс», которое с середины 2000-х годов заявляло о себе как о наиболее крупном черкесском национальном движении, приобретшим характер межреспубликанской и даже международной сетевой организации [Боров 2012: 30].

В настоящее время в рамках проблемного комплекса, именуемого «черкесский вопрос», в российском научно-академическом дискурсе принято выделять следующие ключевые проблемы: проблема признания Россией событий периода Кавказской войны геноцидом черкесов (адыгов); вопросы

¹ Меморандум адыгских (черкесских) общественных организаций Кабардино-Балкарской Республики // Познавательльно-новостной портал «Северо-Кавказские новости». URL: <https://sk-news.ru/news/ekologiya/11494/> (дата обращения: 12.08.2019).

содействия российских властей репатриации зарубежных черкесов (потомков мухаджиров XIX в.) на историческую родину; проблема создания единого черкесского субъекта на территории Российской Федерации [Суший 2012], [Кушхабиев 2011: 247], [Патракова, Черноус 2011: 8-16], [Матишов и др. 2011: 140-141].

Отголоски Кавказской войны в контексте современного черкесского вопроса. События Кавказской войны являются одними из наиболее сложных страниц в истории российского государства, что подтверждается, в том числе, наличием самых различных и часто противоречивых оценок и мнений относительно того периода среди отечественных ученых. Для черкесского народа события 1763-1864 гг. имеют свой особый трагический оттенок. Военное противостояние российской армии и адыгского населения датируется еще концом XVIII в., когда происходило строительство властями Российской Империи крепости Моздок в Малой Кабарде, зачастую сопровождавшееся отбором земель у местного населения, а также подавлением периодически возникающих восстаний [Емельянова 1999]. По Адрианопольскому договору 1829 г. Турция признала, что «весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая включительно пребудут в вечном владении Российской империи». С точки зрения российских правящих кругов они обрели международно-правовое основание для установления своего суверенитета над «закубанскими» черкесами. Но черкесы не желали признавать над собой власти Российского императора, как не признавали ранее власти Турецкого султана, и вступили на путь вооруженного сопротивления [Сивер 2014: 144-145].

Итогом длительного противоборства стало то, что на Северо-Западном Кавказе осталось не более 8% черкесского населения при самых консервативных оценках его прежней численности (571 тыс. в 1834 г. и 44,4 тыс. в 1867 г.) [Кабузан 1996: 145]. Основная же масса была выселена в пределы Османской империи, причем этот процесс был сопряжен с невероятными страданиями и массовой гибелью переселенцев. Вопрос о причинах и «ответственности» за эти трагические события получал и получает в исторической науке амбивалентные и, зачастую, прямо противоположные трактовки. Уже в имперской историографии XIX в. массовое выселение черкесов в Османскую империю 1858-1865 гг. трактовалось как результат выбора самих черкесов, но при этом в ней довольно подробно описаны планы действия царских властей, направленные на силовое вытеснение черкесов с гор, их депортацию и заселение их земель казаками [Кушхабиев 2014: 137-138]. Эта концептуальная коллизия в современных условиях приняла форму противостояния представителей российской государственнической и национально-региональной (адыгской) академических школ.

Первые акцентируют два аспекта так называемого «мухаджирства» как сложного явления. Во-первых, нараставшее влияние среди самого адыгского населения идеи о переселении на территорию Османской Империи, выразившей готовность оказать всю необходимую поддержку для этого. В этой трактовке черкесы были недовольны сложившимся положением, в том числе,

из-за нежелания переселяться на выделенные российскими властями земли на Кубани, а также из-за невозможности вести полноценную торговлю с Османской Империей и Европой.

Во-вторых, указывают на стремление российских властей придать более или менее организованный характер и облегчить для адыгов процесс переселения. В 1860 году происходит учреждение Верховной комиссии по переселению при министерстве торговли Османской Империи, которая должна была заниматься вопросами расселения адыгов и оказания им материальной помощи. В Российской Империи также происходило формирование особых ведомств, отвечающих за процесс переселения черкесского населения. 10 мая 1862 года Кавказский комитет при Комитете министров Российской Империи, занимавшийся разрешением вопросов, касающихся включения кавказского региона в состав государства, издал постановление «О переселении горцев». Также была сформирована комиссия по делу о переселении горских народов в Османскую Империю [Берже 1882: 298], в компетенцию которой входили вопросы выплат денежных пособий переселенцам и обеспечения необходимыми транспортными судами для их перевозки.

Вместе с тем признается, что наиболее серьезные потери среди черкесского населения были вызваны именно процессом переселения, который не был организован на должном уровне, преимущественно, вследствие недооценки его масштабов со стороны властей как Российской, так и Османской Империй. Желавших покинуть занятую российской армией территорию оказалось гораздо больше, чем ожидалось изначально, поэтому, как правило, переселенцы в большом количестве были вынуждены проводить целые месяцы в ожидании на черноморском побережье, вдали от населенных пунктов, что сопровождалось голодом и эпидемиями. Значительное число российских судовладельцев, из-за большого количества зараженных переселенцев, любыми способами отказывались от перевозок, а представители Османской Империи, наоборот, часто проявляли определенную беспринципность, не учитывая никакие санитарные нормы, набирая корабли сверх допустимой вместимости, что также провоцировало быстрый рост смертности у эмигрантов в процессе переселения. В свою очередь, карантинные лагеря, созданные на малоазиатском побережье Османской Империи, абсолютно не соответствовали необходимым условиям для нормального пребывания. Процентное соотношение черкесского населения, решившего переселиться на Кубань и принять подданство Российской Империи, к количеству населения, решившего переселиться на территорию Османской Империи, оценивается примерно как 25 к 75 [Ковалевский 1867: 99]. По различным данным, в тот период в Османскую Империю выехало от 400 до 900 тыс. жителей Западного Кавказа [Ковалевский 1867: 84; Матишов и др. 2012: 84].

В национально-региональной историографии на первый план вступают другие причины «мухаджирства»: целенаправленная политика российских военных властей по «очищению» Северо-Западного Кавказа от «враждебного населения», принятие соответствующей стратегии ведения военных действий и

ее беспощадная реализация без оглядки на масштаб вызываемых этим бедствий для горцев.

Уже на исходе войны на Северо-Восточном Кавказе оформляется новая стратегия Кавказской войны, предусматривавшая планомерные непрерывные военные действия, которые сопровождались бы взаимосвязанными мерами – выселением автохтонного населения края и казачьей колонизацией его земель. Число беженцев с охваченных военными действиями территорий между Кубанью и Лабой и бассейна реки Адагум резко возрастает с 1858-1859 гг. Часть их видела для себя спасение в переселении в Турцию под видом паломничества в Мекку. В 1860 г. военное командование пришло к выводу о государственной пользе безусловного разрешения мусульманским племенам Кавказа переселяться навсегда в Турцию и необходимости достичь соответствующего соглашения с османским правительством. 3 октября 1860 г. был окончательно утвержден предложенный генералом Н.И. Евдокимовым план завоевания Северо-Западного Кавказа, состоявший в том, чтобы «решительно вытеснить из гор туземное население и заставить его или переселиться на открытые равнины позади казачьих станиц, или уходить в Турцию» [Озова 2011: 35]. В работах адыгских историков приводятся многочисленные свидетельства жестокого характера действий царских войск, осуществлявших «этническую чистку». Часто цитируется фрагмент из записок участника событий М.И. Венюкова: «Я приехал на Кавказ в конце 1861 года, т.е. в самый разгар той войны, которая, три года спустя, решила окончательно участь этой страны. ...Война шла с неумолимою, беспощадною суровостью. Мы продвигались вперед шаг за шагом, но бесповоротно и очищая от горцев, до последнего человека, всякую землю, на которую раз становилась нога солдата. Горские аулы были выжигаемы целыми сотнями, едва лишь сходил снег, но прежде, чем деревья одевались зеленью (в феврале и марте); посевы вытраивались конями или даже вытаптывались. Население аулов, если удавалось захватить его врасплох, немедленно было уводимо под военным конвоем в ближайшие станицы и оттуда отправляемо к берегам Черного моря и далее, в Турцию. ...Таков был характер войны» [Кудаева 2007: 163]. Как свидетельство понимания российским военным командованием катастрофических последствий для черкесского населения создаваемых таким образом условий и его нежелания сделать что-либо для их облегчения приводят слова генерала Н.И. Евдокимова: «Я писал графу Сумарокову, для чего он упоминает в каждом донесении о замерзших телах, покрывающих дороги? Разве великий князь [*наместник Кавказа с 1862 г. Михаил Николаевич – автор*] и я этого не знаем? Но разве от кого-нибудь зависит отвратить это бедствие?» [Трахо 1992: 51].

Таким образом, вопрос признания Россией геноцида черкесов является довольно неоднозначным и заслуживает дополнительного обсуждения. Безусловно, официальный факт признания геноцида способен снизить имеющееся напряжение в отношениях с рядом черкесских общественных организаций, способных оказывать влияние на рост радикальных настроений среди черкесского социума и в целом управлять настроениями внутри него, что

может снизить уровень этнополитической напряженности на центральном и западном Кавказе. С другой стороны, следует учитывать, что наиболее болезненные потери среди черкесского населения произошли в период переселения в Османскую Империю, что, в свою очередь, по мнению противников признания геноцида, входит вразрез с самим понятием «геноцид», основой которого является фактор преднамеренного физического уничтожения определенной этнической группы (согласно «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г., под геноцидом понимаются «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую»)¹. В настоящее время из государств-членов ООН геноцид черкесов признала только Грузия².

Репатриация черкесского населения и ее перспективы. Одним из результатов Кавказской войны стало возникновение северокавказской диаспоры в ряде стран, входивших ранее в состав Османской империи. Впоследствии значительные группы черкесов расселились оттуда и в другие регионы. В настоящее время черкесская (адыгская) диаспора представлена более чем в 50 странах мира. Примерная численность черкесов в Турции, по данным Международной черкесской ассоциации (МЧА), составляет около 3 млн человек. В Сирии проживает около 100 тыс., в Иордании – 90 тыс., в Ливии – 30 тыс., в Израиле – более 3,5 тысяч. Из западных стран черкесская (адыгская) диаспора наиболее многочисленна в Германии – 40 тыс. и в США – 15 тыс. [Аккиева, Дзамихов 2017: 189].

Ведущие исследователи истории и современного положения зарубежных черкесских диаспор отмечают, что к 1980-м гг. для них особую актуальность приобрела проблема репатриации. Это было обусловлено усилением процессов ассимиляции, которые стали развиваться в среде зарубежных черкесских диаспор вследствие сокращения черкесских моноэтнических компактных населённых пунктов, урбанизации и изменения традиционного жизненного уклада – его модернизации и унификации, а также дальнейшего рассредоточения зарубежных черкесов по странам мира [Кушхабиев 2013: 75]. С 1990-х гг. программы черкесских общественных организаций России вошло положение о необходимости начала проведения российскими властями активной политики по репатриации черкесов. Но препятствия к ее реализации существуют не только со стороны российских властей, усматривающих в беспрепятственной репатриации групп населения из исламских стран определенные риски и финансово-экономические проблемы, но и в самой диаспоре. А.В. Кушхабиев указывает, что к решению данной проблемы разные

¹ Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него». URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 22.08.2019).

² Грузия признала геноцид черкесов в царской России. 2011. 20 мая // Интернет-газета «Lenta.ru». URL: <https://lenta.ru/news/2011/05/20/cherkesy/> (дата обращения: 12.09.2019).

возрастные группы и социальные слои зарубежных черкесских общин подходят неодинаково. Наряду с молодыми черкесами в Турции, которые именно в репатриации видят необходимое условие сохранения и развития этнической культуры, есть и сторонники переселения в страны Западной Европы и США. Представители старшего и среднего поколения склоняются к проектам развития культурной автономии, как средства сохранения языка и культуры. Стремление к репатриации охлаждается и нестабильной ситуацией на Северном Кавказе. В Иордании к возвращению на родину стремится не более 5% черкесов, что объясняется их относительно обеспеченным положением и нежеланием подвергаться риску. Вместе с тем, тяга к репатриации широко распространена среди черкесов Сирии [Кушхабиев 2013: 75-77, 153-168]. Таким образом, при обсуждении вопроса о репатриации черкесского этноса на территорию Российской Федерации необходимо учитывать, что основная часть черкесов, проживающих в настоящее время за пределами России (например, в Турции, Иордании, Сирии, Ираке, Ливии), к сожалению, утратила родной язык и культуру и не стремится переселиться в Российскую Федерацию, являясь полностью интегрированной в социум других государств, что, в свою очередь, вряд ли может способствовать эффективной репатриационной политике.

Будет ли это обстоятельство использоваться как аргумент против самой постановке вопроса о содействии репатриации зарубежных черкесов зависит от готовности видеть в черкесах диаспоры соотечественников, как на том настаивают черкесские организации России. В отсутствие такой готовности перспектива приема неопределенного, пусть даже и не очень большого количества черкесского населения, не владеющего русским языком и не очень хорошо понимающего специфику российского социума и государства вызывает опасения у части населения и в экспертных кругах. Эффективное проведение репатриационной политики потребовало бы создания в стране особых социальных и культурных программ по интеграции. На это накладываются представления о репатриантах, как о беженцах, которых надо будет содержать, обучать, трудоустраивать, что ляжет дополнительной нагрузкой на бюджет. Сложно сказать, готов ли в настоящее время российский бюджет, учитывая регулярные проблемы, которые сопровождают российскую экономику после 2014 года, взять ее на себя. Указывают также, что существует ряд нерешенных на данный момент приоритетных для российской экономики задач, в том числе, по экономической модернизации почти двухмиллионного Крымского полуострова.

Но именно исключение проблем черкесов зарубежья, желающих вернуться на родину, из числа приоритетов российской политики и демонстративно разное отношение к беженцам с Юго-Востока Украины и черкесским беженцам из Сирии вызывает возмущение черкесских активистов. Что касается экономического аспекта, то уже накоплен и проанализирован значительный позитивный опыт репатриации и адаптации черкесов зарубежья к российским условиям. Черкесы-репатрианты в Кабардино-Балкарии и Адыгее не получают финансовую поддержку из российского бюджета. Они полностью обеспечивают себя сами. Более того, многие из них открыли частные

предприятия в российских регионах и предоставили рабочие места местному населению [Кушхабиев 2013: 185-207].

Черкесская республика – иллюзия или реальный политический проект? По этническому составу адыги (черкесы) составляют большинство населения одного административно-территориального субъекта – Кабардино-Балкарии (кабардинцы составляют 57,2% от общей численности населения; русские и балкарцы – 22,5% и 12,7% соответственно¹. Что касается Карачаево-Черкесии и Республики Адыгея, то в данных субъектах адыги (черкесы) являются меньшинством от общей численности населения (11,9 % и 25,8 % соответственно)². Одновременно с этим, самоназвание народов адыгской подгруппы адыго-абхазской языковой семьи (за исключением шапсугов) присутствует в наименованиях сразу трех административно-территориальных образований Российской Федерации (Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика).

Поэтому еще одна тема, периодически возникающая в рамках обсуждения черкесского вопроса, – это идея создания единого «черкесского» субъекта федерации. В ее основе лежат определенные посылки и этнополитические факторы. Во-первых, представление о республиках в составе РФ как формах «национальной государственности» тех или иных народов. Отсюда следует, что при наличии республик с черкесским (адыгским) компонентом Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, черкесы (адыги) как этнос/народ не имеют своего национального административно-территориального образования. Во-вторых, надежда, что в рамках этнически «унифицированного» субъекта федерации будет больше возможностей для обеспечения воспроизводства этнокультурных основ национального существования и национальной идентичности. В-третьих, стремление избавиться от постоянного давления со стороны этнополитических конкурентов внутри существующих республик, представляют ли они большинство (Адыгея, Карачаево-Черкесия) или меньшинство населения. Так, лозунг об объединении черкесов Кавказа в единую республику был озвучен от имени черкесской молодежи на чрезвычайном съезде черкесского народа, созванный в ноябре 2008 г. именно в связи с внутренними этнополитическими коллизиями в Карачаево-Черкесии. Съезд формально принял решение создать комитет для подготовки соответствующего обращения к федеральным властям, но в дальнейшем стало очевидно отсутствие единодушия среди деятелей национального движения по этому вопросу, и он не получил дальнейшего развития [Боров 2012: 35, 38]. В целом, складывается впечатление, что отношение в черкесской среде к идее создания единого субъекта федерации аналогично тому, что А.В. Кушхабиев подметил в отношении старшего и

¹ Всероссийская перепись населения 2010 года. Национальный состав и владение языками, гражданство. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.xlsx (дата обращения: 12.09.2019).

² Там же.

среднего поколения турецких черкесов к идее репатриации: ее «воспринимают в целом как благую идею и мечту, но не видят реальной возможности ее практического осуществления» [Кушхабиев 2013: 75].

Дело в том, что ареалы компактного проживания адыгского этноса в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Республике Адыгея в настоящее время не граничат между собой, имея единые границы только в рамках отдельно взятых административных субъектов. Например, в Карачаево-Черкесской республике территории с компактным проживанием черкесского этноса находятся в северо-восточной части республики (Адыге-Хабльский и Хабезский районы), а в Кабардино-Балкарской республике – в северной, центральной и восточной частях. Таким образом, ареал компактного проживания адыгского (черкесского) этноса на территориях Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии оказывается разделенным районами с компактным проживанием народов половецко-кыпчакской подгруппы тюркской языковой семьи – карачаевцев и балкарцев.

Что касается Республики Адыгея, то территории с наиболее компактным расселением адыгского этноса (65 % и более) находятся в разных частях данного административного субъекта: в северо-западной части республики, на севере Тахтамукайского и Теучежского районов; в северо-восточной части республики (центр и юг Шовгеновского района республики, а также восточная часть Кошехабльского района); юг Кошехабльского района, на границе с Мостовским районом Краснодарского края. Получается, что восточная и западная часть республики, компактно населенная адыгским этносом, отделена друг от друга районами с компактным проживанием русского этноса (Майкопский, Гиагинский и Красногвардейский районы).

Учитывая вышеназванные особенности расселения адыгского (черкесского) этноса в настоящее время, говорить о создании единого черкесского субъекта в составе Российской Федерации вряд ли представляется возможным. Вследствие отсутствия общих границ между ареалами проживания четырех этнических групп адыгской подгруппы адыго-абхазской языковой семьи (адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов) эффективно провести административно-территориальную реформу с целью образования единой черкесской республики крайне затруднительно. Помимо этого, даже если предположить, что формально сама реформа и может быть реализована, то в дальнейшем в системе управления административно-территориальным субъектом, несколько частей которого существуют обособленно друг от друга, не имея общих границ, так или иначе будут возникать проблемы бюрократического и иного свойства, способные оказать негативный эффект на работу многих институциональных структур внутри субъекта, что может усложнить сам процесс контроля за деятельностью властных структур на уровне районов и других муниципальных образований.

Выводы

Итак, переходя к выводам, следует отметить, что черкесский вопрос как определенный комплекс социально-политических проблем подразделяется в российском научно-академическом дискурсе на следующие основные составляющие: проблема признания Россией событий периода Кавказской войны геноцидом черкесов (адыгов); вопросы содействия российских властей репатриации зарубежных черкесов (потомков мухаджиров XIX в.) на историческую родину; проблема создания единого черкесского субъекта на территории Российской Федерации.

Если рассматривать эти проблемы в плоскости практической политики, как задачи, предлагаемые безотлагательному решению, то они представляются крайне сложными или практически нереализуемыми.

Так, факт официального признания Россией геноцида черкесов возможно мог бы уменьшить имеющееся напряжение в отношениях с некоторыми из черкесских общественных организаций, что, в свою очередь, может привести к снижению уровня этнополитической напряженности на центральном и западном Кавказе. Однако, поскольку наиболее болезненные потери среди черкесского населения произошли непосредственно в период переселения в Османскую Империю, то в связи с этим по-прежнему остается дискуссионным вопрос – насколько эти события попадают под само понятие «геноцид», зафиксированное в Конвенции ООН от 9 декабря 1948 года, в которой под геноцидом понимаются «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую»? Пока что здесь больше вопросов, чем ответов.

Что касается двух других аспектов черкесского вопроса, таких, как вопрос содействия российских властей проведению политики по репатриации адыгов (черкесов) на историческую родину, а также формирование единого черкесского субъекта на территории Российской Федерации, то в настоящее время они не могут быть реализованы. В первом случае – вследствие произошедшей почти за полтора столетия культурной ассимиляции черкесов, проживающих в других государствах (Турции, Иордании, Сирии, Ираке, Ливии, Саудовской Аравии) и их интегрированности в культуру социумов этих государств, а во втором – вследствие специфики современного ареала расселения адыгского этноса, проявляющегося в отсутствии общих границ между территориями проживания четырех этнических групп адыгской подгруппы адыго-абхазской языковой семьи (адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов), что существенно осложняет сам процесс создания единого черкесского административно-территориального субъекта и, соответственно, в том числе процесс управления муниципальными образованиями подобного субъекта.

Если поставить вопрос, какой вклад в настоящее время вносит черкесский вопрос в сохраняющиеся на Центральном и Северо-Западном Кавказе проявления этнополитической напряженности, то следует признать его крайне незначительным. В целом, несмотря на определенный «ренессанс» черкесского

вопроса в период с 2007 по 2014 гг., в настоящее время он явно сошел на спад. Главным образом, это обусловлено завершением событий, приуроченных к Олимпиаде 2014 года, проведение которой вызывало отрицательный резонанс среди некоторых черкесских общественных организаций. Но активность и влияние этих организаций на Юге России практически сошло на нет. В частности, уже ряд лет никак не проявляется движение «Черкесский конгресс», которое с середины 2000-х годов заявляло о себе как о наиболее радикальном черкесском национальном движении, приобретшем характер межреспубликанской и даже международной сетевой организации. В организованном черкесском движении безусловно доминирует политическая лояльность Российскому государству.

Но из этого не следует, что сам черкесский вопрос окончательно снят с этнополитической повестки дня Юга России. Дело в том, что комплекс образующих его идейных единиц является символическим выражением реальной специфики и проблем современного «черкесского мира», в котором находящиеся в различных политических и социально-культурных условиях группы черкесского населения сохраняют общую идентичность, в значительной степени «замешанную» на исторической травме. Отклоняя те или иные запросы черкесского национального сознания и национального движения в сфере практической политики, необходимо искать и находить позитивные ответы на них в сфере символической политики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аккиева, Дзамихов 2017 – *Аккиева С., Дзамихов К.* Наследие мухаджиров как политический актив. Черкесская (адыгская) диаспора: история и современные проблемы // Россия в глобальной политике. Спецвыпуск: Атлас общественной дипломатии. – 2017. – Сентябрь. – С. 186-202.

Берже 1882 – *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. – 1882. – Т. 36.

Боров 2012 – *Боров А.Х.* «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен / отв. ред. П.М. Иванов / Научные доклады Центра социально-политических исследований КБНЦ РАН (№ 1). – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2012. – 57 с.

Емельянова 1999 – *Емельянова Н.М.* Мусульмане Кабарды. – М.: Граница, 1999. – 140 с.

Кабузан 1996 – *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. Этностатистическое исследование. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. – 223 с.

Ковалевский 1867 – *Ковалевский Е.П.* Очерки этнографии Кавказа // Вестник Европы. Журнал историко-политических наук. – 1867. – Т. III. – С. 75-140.

Кудаева 2007 – *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX в.: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. – Нальчик: ГП КБР РПК, Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 304 с.

Кушхабиев 2011 – *Кушхабиев А.В.* Деятельность черкесских (адыгских) общественных организаций по решению «черкесской проблемы» в начале XXI века // Известия КБНЦ РАН. – 2011. – № 6 (44). – С. 247-254.

Кушхабиев 2013 – *Кушхабиев А.В.* Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2013. – 224 с.

Кушхабиев 2014 – *Кушхабиев А.В.* Проблема массового выселения черкесов (адыгов) в Османскую империю (1858-1865 гг.) в работах российских историков // Известия КБНЦ РАН. – 2014. – № 1 (57). – С. 137–143.

Матишов и др. 2011 – *Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В., Романов И.В.* Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. V. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. Специальный выпуск. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 160 с.

Матишов и др. 2012 – *Матишов Г.Г., Клычников Ю.Ю., Хлынина Т.П.* «Черкесский вопрос»: история, политика и современное мифотворчество // Вестник Южного научного центра РАН. – 2012. – № 1 (8). – С. 80-89.

Озова 2011 – *Озова Ф.А.* План генерала Евдокимова в свете военного права XIX века // Вестник Кабардино-балкарского института гуманитарных исследований при правительстве КБР и КБНЦ РАН. Вып. 18. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – С. 19-44.

Патракова, Черноус 2011 – *Патракова В.Ф., Черноус В.В.* Историография, историческая память адыгов о Кавказской войне XIX в. и современные политические провокаторы // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. – Вып. 69. – М.–Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2011. – 202 с.

Сивер 2014 – *Сивер А.В.* Кавказская война и черноморские шапсуги: к вопросу о причинах и факторах участия // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 1 (57). – С. 144-150.

Суций 2012 – *Суций С.Я.* Черкесский вопрос – основные проблемные зоны и их конфликтогенный потенциал (I). 2012. 6 янв. // Научное общество кавказоведов. Официальный сайт. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/01/06/cherkesskij-vopros-problemnye-zony-konfliktogennyj-potencial-i.html> (дата обращения: 23.09.2019).

Тернон 1996 – *Тернон И.* Размышления о геноциде // Российский бюллетень по правам человека. – 1996. – Вып. 8. – С. 102-144.

Тетуев 2016 – *Тетуев А.И.* Особенности этнополитических процессов на Северном Кавказе в период системной трансформации российского общества (на материалах Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – Том 23. – № 1. – С. 90-98. DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-23-1-90-98>

Трахо 1992 – *Трахо Р.* Черкесы: (Черкесы Сев. Кавказа). – Нальчик: Б. и., 1992. – 158 с.

Узнародов 2017 – *Узнародов Д.И.* Лезгинский ирредентизм как геополитический фактор на Северном Кавказе // Электронный журнал «Кавказология». – 2017. – № 2. – С. 110-118. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-110-118>

Узнародов 2018 – *Узнародов Д.И.* Ногайский вопрос в постсоветской России: актуальное состояние и исторические предпосылки // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 4. – С. 192-203. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-192-203>

Этнополитическая ситуация... 1994 – *Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии* / сост. И.Л. Бабич. – М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1994. – Т. 2. – 313 с.

Этнополитическая ситуация... 2014 – *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году.* Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2014. – 643 с.

REFERENCES

AKKIEVA S., DZAMIKHOV K. *Nasledie mukhadzhirov kak politicheskiy aktiv. Cherkesskaya (adygskaya) diaspora: istoriya i sovremennye problemy* [The legacy of mohajirs as a political asset. Circassian (Adyghe) Diaspora: history and modern problems]. IN: *Rossiya v*

- global'noy politike. Spetsvypusk: Atlas obshchestvennoy diplomatii.* – 2017. – Sep. – P. 186-202. (In Russian)
- BERZHE A.P. *Vyselenie gortsev s Kavkaza* [Eviction of mountaineers from the Caucasus]. IN: *Russkaya starina.* – 1882. – Vol. 36. (In Russian)
- BOROV A.Kh. «*Cherkesskiy vopros*» *kak istoriko-politicheskiy fenomen* [«Circassian question» as a historical and political phenomenon]. Ed. in chief P.M. Ivanov. Scientific reports of the center of social and political studies of Kabardino-Balkarian scientific center of RAS (No 1). – Nalchik: Kabardino-Balkarian scientific center of RAS Publishing, 2012. – 57 p. (In Russian)
- EMEL'YANOVA N.M. *Musul'mane Kabardy* [Muslims of Kabarda]. – M.: Granitsa, 1999. – 140 p. (In Russian)
- Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii* [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria]. Edited by I.L. Babich. – M.: Institute of Anthropology and Ethnography of Russian Academy of Sciences, 1994. – Vol. 2. – 313 p. (In Russian)
- Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2013 godu. Ezhegodnyy doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring countries in 2013. Annual report of the ethnological monitoring and conflict early warning Network]. Edited by V.A. Tishkov and V.V. Stepanov. – M.: Institute of Anthropology and Ethnography of Russian Academy of Sciences, 2014. – 643 p. (In Russian)
- KABUZAN V.M. *Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX-XX vekakh. Etnostatisticheskoe issledovanie* [The Population of the Northern Caucasus Region from the 18th to the 20th centuries. Ethnostatistical Study]. – St. Petersburg: “Russian Baltic Information Center BLITZ” Publishing House, 1996. – 223 p. (In Russian)
- KOVALEVSKIY E.P. *Ocherki etnografii Kavkaza* [Essays on ethnography of the Caucasus]. IN: *Vestnik Evropy.* – 1867. – Vol. III. – P. 75-140. (In Russian)
- KUDAEVA S.G. *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX v.: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskego obshchestva* [Adygs (Circassians) of the North-West Caucasus in the XIX century: processes of transformation and differentiation of Adyghe society]. – Nalchik: Publishing House «El-Fa», 2007. – 304 p. (In Russian)
- KUSHKHABIEV A.V. *Deyatel'nost' cherkesskikh (adygskikh) obshchestvennykh organizatsiy po resheniyu «cherkesskoy problemy» v nachale XXI veka* [Activities of Circassian (Adyghe) public organizations to address the «Circassian problem» in the early XXI century]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2011. – No 6 (44). – P. 247-254. (In Russian)
- KUSHKHABIEV A.V. *Problema massovogo vyseleniya cherkesov (adygov) v Osmanskuyu imperiyu (1858-1865 gg.) v rabotakh rossiyskikh istorikov* [Problem of mass eviction of Circassians (Adyghes) to the Ottoman empire (1858-1865) in the works of Russian historians]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2014. – No 1 (57). – P. 137-143. (In Russian)
- KUSHKHABIEV A.V. *Problemy repatriatsii zarubezhnykh cherkesov: istoriya, politika, sotsial'naya praktika* [Problems of repatriation of foreign Circassians: history, politics, social practice]. – Nalchik: Kabardino-Balkarian scientific center of RAS Publishing, 2013. – 224 p. (In Russian)
- MATISHOV G.G., BATIEV L.V., PASHCHENKO I.V., ROMANOV I.V. *Atlas sotsial'no-politicheskikh problem, ugroz i riskov Yuga Rossii. T. V. Severnyy Kavkaz: problemy i perspektivy razvitiya. Spetsial'nyy vypusk* [Atlas of socio-political problems, threats and risks of the South of Russia. Vol. V. North Caucasus: problems and prospects of development. Special issue]. – Rostov-on-Don: SSC RAS Publishing, 2011. – 160 p. (In Russian)
- MATISHOV G.G., KLYCHNIKOV YU.YU., KHLYNINA T.P. «*Cherkesskiy vopros*»: *istoriya, politika i sovremennoe mifotvorchestvo* [«Circassian question»: history, politics and modern myth-making]. IN: *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2012. – No 1 (8). – P. 80-89. (In Russian)

OZOVA F.A. *Plan generala Evdokimova v svete voennogo prava XIX veka* [General Evdokimov's plan in the light of the 19th century military law]. IN: *Vestnik Kabardino-balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy pri pravitel'stve KBR i KBNTs RAN. Iss. 18.* – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. – P. 19-44. (In Russian)

PATRAKOVA V.F., CHERNOUS V.V. *Istoriografiya, istoricheskaya pamyat' adygov o Kavkazskoy voyne XIX v. i sovremennye politicheskie provokatory* [Historiography, historical memory of Adygs about the Caucasian war of the XIX century and modern political provocateurs]. IN: *Yuzhnorossiyskoe obozrenie Tsentra sistemnykh regional'nykh issledovaniy i prognozirovaniya IPPK YuFU i ISPI RAN.* – 2011. – Iss. 69. – Moscow-Rostov-on-Don: Social and humanitarian knowledge, 2011. – 202 p. (In Russian)

SIVER A.V. *Kavkazskaya vojna i chernomorskie shapsugi: k voprosu o prichinakh i faktorakh uchastiya* [Caucasian war and Black-Sea Shapsugs: to the problem of reasons and factors of participation]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2014. – No 1 (57). – P. 144-150. (In Russian)

SUSHCHIY S.Ya. *Cherkesskiy vopros – osnovnye problemnye zony i ikh konfliktogennyy potentsial (I)* [Circassian question-the main problem areas and their conflict potential] 2012. 6 Jan. IN: *Nauchnoe obshchestvo kavkazovedov:* Official site. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/01/06/cherkesskiy-vopros-problemnye-zony-konfliktogennyj-potencial-i.html> (date of access: 23.09.2019). (In Russian)

TERNON I. *Razmyshleniya o genotside* [Reflections on genocide]. IN: *Rossiyskiy byulleten' po pravam cheloveka.* – 1996. – Iss. 8. – P. 102-144. (In Russian)

TETUEV A.I. *Osobennosti etnopoliticheskikh protsessov na Severnom Kavkaze v period sistemnoy transformatsii rossiyskogo obshchestva (na materialakh Kabardino-Balkarii i Karachaevo-Cherkessii)* [Features of ethnopolitical processes in the North Caucasus during the systemic transformation of Russian society (by the materials of Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia)]. IN: *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN.* – 2016. – No 1. – P. 90-98. (In Russian)

TRAKHO R. *Cherkesy: (Cherkesy Sev. Kavkaza)* [Circassians: (The Circassians of North Caucasus)]. – Nalchik, 1992. – 158 p. (In Russian)

UZNARODOV D.I. *Lezginskiy irredentizm kak geopoliticheskiy faktor na Severnom Kavkaze* [Lezgin irredentism as a geopolitical factor in North Caucasus]. IN: *Kavkazologiya.* – 2017. – No 2. – P. 110-118. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-110-118> (In Russian)

UZNARODOV D.I. *Nogayskiy vopros v postsovetskoy Rossii: aktual'noe sostoyanie i istoricheskie predposylki* [Nogai question in post-Soviet Russia: current status and historical background]. IN: *Kavkazologiya.* – 2018. – No 4. – P. 192-203. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-192-203> (In Russian)